

**МОУ СОШ №2 СТ. ВОРОВКОЛЕССКАЯ
АНДРОПОВСКИЙ РАЙОН
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ**

**СКАЗ О ВОРОВКОЛЕССКОЙ
(очерки о станице)**

Автор: учитель истории МОУ СОШ №2
ДОРОХИНА
СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА

2007 год

СОДЕРЖАНИЕ

1. Летопись двухвековой истории станицы	стр 3-4
2. Как начиналась история	
• Донские казаки	стр 5-6
• Серьезные испытания	стр 6-8
• Они были первыми	стр 8-9
• Вынужденные переселенцы	стр.9-10
• Второе рождение	стр.10-11
• Обустройство станицы	стр11- 12
3. В названиях – история станицы	
• На защите южных границ	стр 12-14
• Почему именно Воровсколеская	стр 14- 15
• Серьезные испытания	стр 15-17
• В названиях-история станицы	стр 17-20
• Превращенная в пепел.	стр 20- 24
• Целый век назад	стр 24-32
4. Только и славы, что казаки	стр 32-35

Летопись двухвековой истории станицы Воровсколесской. 1777-1778гг.

- 1777-1778гг.** Начало строительства Азово-Моздокской укрепленной линии.
- 1792г.** Начало строительства Воровсколесского редута как форпоста Азово-Моздокской линии.
- 1794г.** Окончание строительства Воровсколесского редута. Закладка станицы Воровсколесской при редуте.
- 1804г.** Жестокое разорение станицы Воровсколесской в результате внезапного нападения превосходящих сил горцев и неравного боя с ними.
- 1807г.** Вторичное жестокое разорение станицы Воровсколесской по той же причине.
- 1813г.** Тяжёлый бой воровсколесских казаков с крупным отрядом горцев под предводительством турецкого эмиссара Сулеймана-эфенди у горы Брык. Сулейман с остатками отряда вынужден был отступить в горы.
- 1825г.** Станица Воровсколесская вынуждена переселиться в закладываемую на Кубани станицу Баталпашинскую. Воровсколесский редут оставался на месте, продолжая свою тяжёлую кордонную жизнь и службу.
- 1849г.** Через 23 года станица Воровсколесская восстанавливается на прежнем месте при редуте. Одновременно с восстановлением станицы, в станицу переселяются малороссийские казаки из Полтавской губернии и образуют т.н. Хохловку-неотъемлемую часть станицы.
- 1869г.** Станица Воровсколесская, входя в Баталпашинский уезд Армавирского Округа, вместе с Округом входит в административное подчинение Ставропольской губернии. Стратегическое назначение всей Азово-Моздокской линии постепенно утрачивается.
- 1878г.** Сообразованием Кубанской и Терской областей, весь Армавирский округ в т.ч. и станица Воровсколесская, переходят в административное подчинение Кубанской области. Баталпашинский уезд переименовывается в Отдел.
- 1877-1878гг.** Участие 2-го Хоперского полка, организованного на базе Баталпашинского отдела, в боевых действиях против Турции (русско-турецкая война)
- 1914г.** Первая Мировая война. 2-ой Хопёрский кавполк первоначально на Западном фронте против австро-немецких войск, а потом в Закавказье против Турции.
- 1918г.** Началась Гражданская война в России. Полк находится за пределами Отечества. В результате боевых действий станица Воровсколесская 17 раз переходила из рук в руки, от белых к красным.
- 1920г.** Массовый расстрел мирных граждан станицы Воровсколесской у Крутого яра красным карательным отрядом.
- 1921г.** Неурожай, экономическая разруха, продразвёрстка, голод. До 15% станичников умирает голодной смертью.
- 1921г.** Станица входит в состав Терской области.
- 1928г.** Присоединение к Курсавскому району.
- 1928г.** Открытие школы крестьянской молодёжи. Борьба с неграмотностью.
- 1929г.** Начало сплошной коллективизации. Образование колхоза им. Сталина.

1932-33г Голодомор в станице.

1935г. Перевод Воровсколесской школы из разряда семилетней в разряд средних .

1938г. Первый выпуск Воровсколесской средней школы (8 человек).

1941г. Начало Великой Отечественной войны. 960 станичников было мобилизовано на фронт.

1942(2 августа)-**1943**(16 января) — период немецко-фашистской оккупации станицы.

1945г. Окончание Великой Отечественной войны с полным разгромом фашистских захватчиков. 586 воровсколесчан-станичников погибло в суровых боях за Родину

1950г. Реорганизация четырёх колхозов станицы в один – «Родина».

1963г. Станица Воровсколесская переходит в состав Кочубеевского района.

1969 г. Построена новая школа на средства колхоза «Родина».

1970 г. Станица вновь в составе восстановленного Курсавского района.

1974г. Построена больница на 25 коек.

1994г. Станица Воровсколесская отметила своё 200 - ление.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ИСТОРИЯ.

Донские казаки.

Воровсколеская станица имеет как бы две истории. Одна история – с 1794 года по 1825 год – связана с первопоселенцами, донскими казаками, другая же ведётся уже с 1849 года и имеет мало общего с донцами, некогда осваивавшими кавказские земли.

Станица Воровсколеская, основанная в 1794 году, оказалась самой слабозаселённой во всём Кубанском полку. Летом 1794 года к Воровсколесскому редуту прибыло всего лишь 100 семей донских казаков. Кроме того, станица оказалась в буквальном смысле «на самом отшибе», ведь ближайшие в то время населённые пункты – станица Темнолесская и село Круглолесское – располагались на весьма значительном расстоянии. Вот почему в случае военной тревоги переселенцам приходилось рассчитывать на свои силы и на помощь соседей, несших службу при редуте. И, наконец, самым неудачным для станицы было то обстоятельство, что она была поселена напротив наиболее беспокойного верхнекубанского кордонного участка. На протяжении от Каменного моста и до Невинного Мыса по Кубани существовало по меньшей мере 10 бродов, весьма удобных для переправы, что никак не обещало воровсколеским поселенцам спокойной жизни. Вполне вероятно, что, имея небольшого народонаселения, Воровсколеская смогла бы стать лёгкой добычей беспокойных закубанских соседей, если бы не команды регулярных войск, постоянно присутствующих в станице и её окрестностях.

Исторические документы, в частности, свидетельствуют, что с 1796 по 1797 годы на постах близ станицы несли службу солдаты Владимирского мушкетного полка. В 1800 году упоминается рота гренадерского Тучкова 20-го полка, дежурившая на ретраншементе Воровсколесском. Напротив

станции по кубанской границе караулы содержали, согласно сведениям за 1805 год, донские казаки под началом войскового старшины Аханова.

К сожалению, по ранней истории станции Воровсколесской, равно как и по ранней истории Кубанского линейного полка, сохранилось мало данных. Из тех же сведений, которые имеются в наличии, явствует, что в 1812 году пост Нижнее-Абазинский на Кубани содержали казаки Кубанского линейного полка под командой хорунжего Просвирина. Так как в то время казаки Кубанского полка содержали посты вблизи своих станиц, то вероятнее всего на посту Нижнее-Абазинском, располагавшемся неподалёку от нынешнего города Черкесска, служили казаки именно Воровсколесской станции. А хорунжий Просвирин, по-видимому, является одним из первых офицеров станции.

Исторические документы дают ещё такие сведения: «В 1785 году казак войска Донского Просвирин поступил на военную службу, в июле 1794 г. был переселён на Кавказскую линию, в 1810г. получил чин хорунжего. В апреле 1813г. хорунжий Просвирин был командирован в Грузию для службы в сборно-линейном полку, по возвращении из которого в апреле, как сообщают документы Кубанского полка, он умер.»

Серьёзные испытания.

Очевидно, что серьёзных сил для командировок и походов Воровсколесская дать не могла ввиду собственного небольшого количества казаков. Большой интерес представляет описание станции от 24 сентября 1802 года, сделанное командиром Кубанского полка майором Потаповым. « В самой Воровсколесской насчитывался 91 двор, где проживала 91 семья. Дворы в станицах Кубанского полка были устроены по одному шаблону: имели 20 сажень в длину и 15 в ширину. Дворы имели ограждение. А вокруг станиц ограждение лишь только начинало устраиваться. Садоводство

в Кубанском полку только начиналось, скот у казаков был преимущественно донской породы; из злаков высевалась рожь, пшеница, ячмень, овёс и просо.»

Однако, занятия хозяйством у казаков были сведены до минимума, ввиду тревожной пограничной обстановки. Населению Воровсколеской приходилось думать прежде всего о собственной безопасности. Уже в самом начале 19 века воровколесцам пришлось выдержать серьёзные испытания. В мае 1804г. горцы отогнали станичный табун и скот, оставив тем самым станичников без живности. А в мае 1807г.отряд, состоявший из нескольких сотен конных горцев, блокировал Беломечётский пост и , перейдя Кубань, обрушился на Воровсколескую. Казаки станицы высыпали на вал и встретили неприятеля залпами. Однако. Силы были неравными. Казаки, сбитые с вала, вынуждены были отстреливаться в собственных хатах. В станице горцы захватили в плен 136 душ мужского пола и 179 женского, забрали немалое количество скота и имущества. От полного разгрома полыхавшую в огне станицу, спасли подоспевшие 2 эскадрона драгун с артиллерий. Во время преследования русским войскам неподалёку от Каменного моста удалось отбить какую-то часть скота и пленных, но этот успех не шёл в расчёт с общими потерями. Было очевидным для всех неудачное местоположение Воровсколеской, для полноценной защиты которой у кавказского командования не хватало военных сил.

После разгрома1807 года станица так и не смогла оправиться, в 1816 году в Воровсколеской насчитывалось 74 дома и проживало 270 душ мужского пола и 236 душ женского, тогда же подчёркивалось, что станица «...со всеми выгодами местности соединяет тот недостаток, что подвержена нападениям горцев....». Военные силы станицы также были мизерными.

В 1821 году станица вновь подвергалась набегу со стороны горцев, была в буквальном смысле «задавлена» подводной и постоянной повинностями, которые обязаны были выполнять линейные казаки. В1822 году в 72 домах станицы были размещены две роты солдат, таким образом, на каждую хозяйскую хату приходилось не менее пяти постояльцев.

Очевидно, что в таких условиях было практически не возможно для казаков нормально вести собственное хозяйство. Играла роль и беспокойная пограничная обстановка, не позволявшая казакам ни на минуту забыть о военной службе.

Они были первыми.

Немного сохранилось документов, касающихся жизни Воровсколесской при первом поселении, скудны данные и о том, как несли военную службу первые поселенцы станицы. Однако кое-какие сведения о службе воровсколесских казаков всё же дошли до нашего времени. Среди первых поселенцев-донцов, прибывших на Кубань в 1794 году, была фамилия Монтиковых. Один из её представителей Филипп Назарович Монтиков имел звание пятидесятника (урядника), а потом получил чин хорунжего. В 1822 году хорунжий Филипп Монтиков стал зауряд-сотником. Кроме пограничной службы, Монтиков в 1810 году участвовал в походе генерала Булгакова на Кубань, с 1820 по 1821 годы служил в Грузии в сборно-линейном полку, в 1825 году он вновь участвовал в закубанском походе против абадзехов.

Ещё один уроженец Воровсколесской Гаврила Григорьевич Малышев, в отличие от Монтикова, родился уже на Кавказе. В 1819 году поступил на службу в Кубанский полк. В его составе казак Малышев в 1823 году вместе с генералом Вельяминовым был в Закубанском походе, а спустя год он вновь побывал за Кубанью, будучи теперь в составе отряда полковника Коцарева. 1 ноября 1826 года вместе с остальными казаками Воровсколесской Малышев был переведён в Хопёрский полк, где продолжил свою службу. В 1828 году он уже вместе с хопёрцами сражался с турками в Закавказье, а в 1833 году был удостоен звания урядника.

И сегодня живут в станице потомки славных фамилий: Монтиковы, Малышевы, Кихтенко.

Вынужденные переселенцы.

В 1824 году было, наконец, принято решение о переселении Воровсколесской. В «Ведомостях о казачьих войсках на Кавказской линии» за то год говорилось, что казённое селение Николаевское присоединяется к Кубанскому казачьему полку в числе 911 душ мужского пола, станица же Воровсколесская отличается в Хопёрский полк в составе одного войскового старшины и 258 казаков.

Казаки станицы Воровсколесской, имевшей в 1825 году 87 дворов и 266 душ населения мужского пола, согласно приказу, в полном составе переселились к реду Баталпашинскому. Переселение станицы было осуществлено в два года. В 1825 году из Воровсколесской переселились к Баталпашинскому реду 43 двора, а в 1826 году туда переехали оставшиеся казачьи семьи. Земля, оставшаяся после переселения станицы, отошла в ведение казаков, так как эта территория оказалась в округе расположения новых хопёрских станиц.

Таким образом, казаки станицы Воровсколесской, прослужив в составе Кубанского линейного полка почти 30 лет, переселившись в Баталпашинскую, пополнили славные ряды хопёрских казаков. С 1828 года бывшие воровсколесцы приступили к несению службы в Хопёрском полку, взяв под свою охрану Баталпашинский кордонный участок Кубани. На месте же бывшей станицы был учреждён пост Воровсколесский, на котором несли дежурство хоперцы. Казаки, содержавшие этот пост, были обязаны наблюдать за балками и воровсколесскими лесами, где, как говорилось в расписании постов Баталпашинского участка, горцы, переправившись в верховьях Кубани, легко могут скрываться по нескольку дней.

Почти четверть века на месте бывшей Воровсколесской станицы, кроме поста, не существовало ничего. Хотя в 1845 году и предполагалось поселить на этом месте станицу, но этот проект так и не осуществили. Лишь в 1849 году начинает строиться новая Воровсколесская станица.

Второе рождение.

История возникновения новой станицы Воровсколеской в 1849 году абсолютно отличается от истории основания той, что была устроена в 1794 году. Основную массу переселенцев в новую станицу составили на этот раз выходцы из Воронежской и Полтавской губерний, а также женатые солдаты из войск Кавказского корпуса, переведённые в казаки, которые в числе 172 семей (1241 душа обоего полка) прибыли к реке Куршавке в 1849 году.

В числе этих семей переселялись и казаки хопёрских станиц Баталпащинской и Суворовской. Это были представители известных в полку фамилий: Мельниковы, Помазановы, Швецовы, Жендубаевы и другие. Кроме нескольких семей старых хопёрских казаков, в Воровсколескую перебрались и представители тех фамилий, которые жили в станице с 1794 по 1825 годы, т.е. бывшие донские казаки, которые при переселении в 1849 году вновь вернулись в Воровсколескую – это Сухоруковы и Монтиковы. Большая же часть переселенцев имела либо чисто малороссийские фамилии, как-то Головащенко, Даниленко, Маляренко, Гонтаренко, Петрянник, Ткаленко и подобные им, либо великорусские: Жерлицын, Авилов, Аладин, Лифенцев, Рящин, Лавров и другие. Деление станицы на «Помазановку» и «Хохловку», сохранившееся до позднейших времён, в какой-то мере подтверждает историческое происхождение переселенцев Воровсколеской.

Новая Воровсколеская станица была устроена, как и существовавшая ранее, со рвом, валом и крепкими воротами. Всем переселившимся была дана двухлетняя льгота, освобождавшая от налогов, для того, чтобы устроить свой быт на новом месте.

В 1851 году казаки Воровсколеской приступили к несению службы во 2-ом Хопёрском полку. В 1852 году от станицы служило всего 26 казаков, но уже в следующем году от Воровсколеской на службе находилось 169 урядников и казаков.

Обустройство станицы.

Постепенно обустраивалась и сама станица. В 1851 году из саманного кирпича было выстроено здание станичного правления, а в 1855 году была открыта деревянная православная церковь во имя Св. Николая Чудотворца, совместно с колокольней. Церковь воровсколесцы возвели на средства, выделенные Кавказским линейным войском (5000 рублей серебром). Храм обнесли каменной оградой, и, кроме церкви, уже имелось два общественных и 178 частных домов, две лавки, одна кузница, одна водяная мельница и один запасной хлебный магазин. По своему благосостоянию жители Воровсколесской уступали остальным станицам Хопёрской казачьей бригады, тем не менее, в 1855 году на 186 дворов станицы приходилось 258 лошадей, 440 волов, 358 коров и телят, 1550 овец.

В 50-е годы прошлого века в станице была устроена школа, но число учащихся в ней детей в течение первых лет было невелико. В 1867 году, например, в Воровсколесской школе обучалось только 18 учеников.

Население станицы, ввиду частых переселений на Сунжу и за Кубань, росло медленно. И статистика даёт тому подтверждение. В 1852 году в Воровсколесской проживало 1519 душ обоего пола, в 1853 население снизилось до 1204 душ, а в 1858 году оно составляло 1353 души обоего пола казаков и 26 душ иногородних. По количеству населения Воровсколесская уступала всем остальным станицам и была самой маленькой в бригаде.

До 1861 г. казаки Воровсколесской несли службу во 2-м Хопёрском полку Хопёрской казачьей бригады Кавказского линейного войска. В 1861 году, после реформы, Воровсколесская вместе с другими станицами бригады вошла в состав нового Кубанского войска.

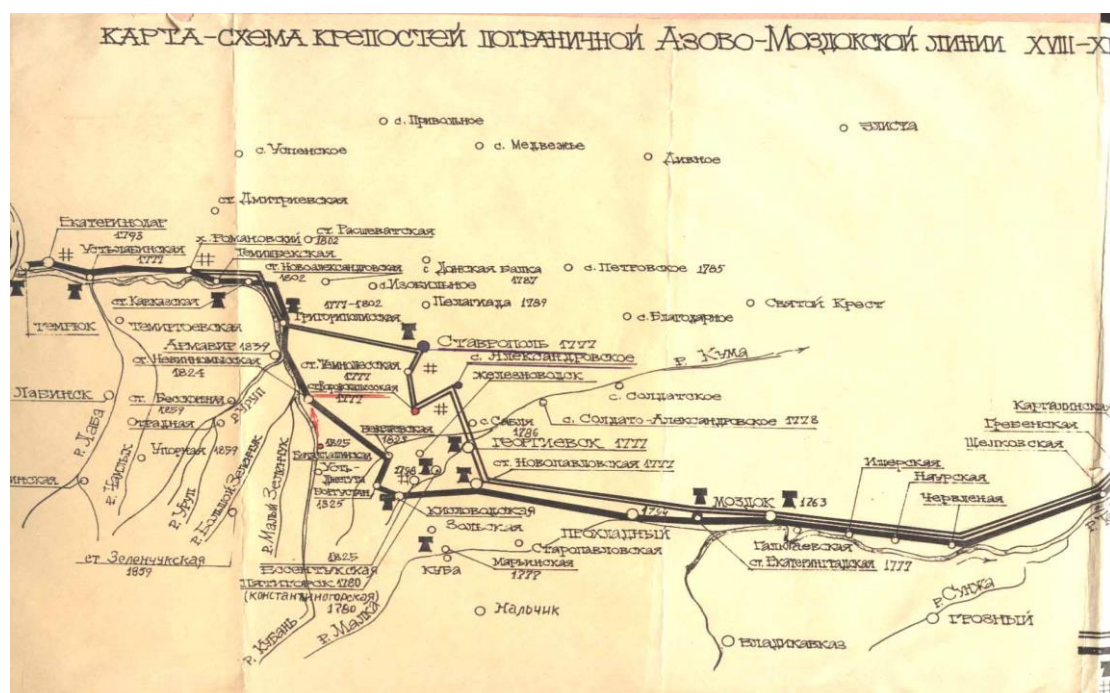
В 50-60-е годы XIX века жители станицы принимали участие в действиях Кавказской войны и Крымской войны 1853-54гг. В 1855 году, в частности, 11 воровсколесских казаков воевали с турками в Закавказье. В

период завершения военных действий на Западном Кавказе казаки станицы несли службу в различных закубанских отрядах.

В названиях – история станицы Воровсколесской.

1. На защите южных границ России.

По проекту князя Потёмкина и указу императрицы Екатерины II для защиты южных границ Российской империи в 1777 году началось строительство укреплений между крепостью Моздок и городом Азовом. Предполагалось выстроить десять крепостей, фактически возвели девять. Между ними, через каждые 25-30 км, располагались форты или редуты, а через каждые 3-5 км – наблюдательные посты (пикеты). Новая линия получила наименование - Азово-Моздокская линия. Её военно-административным центром стала Георгиевская крепость.

Через 15 лет после начала строительства линии, в 1792 году на месте нынешней станицы Воровсколесской и был заложен редут (в старину: сомкнутое полевое укрепление с наружным рвом и бруствером)*. В переводе с французского «редут» означает укрепление оборонительного характера. По

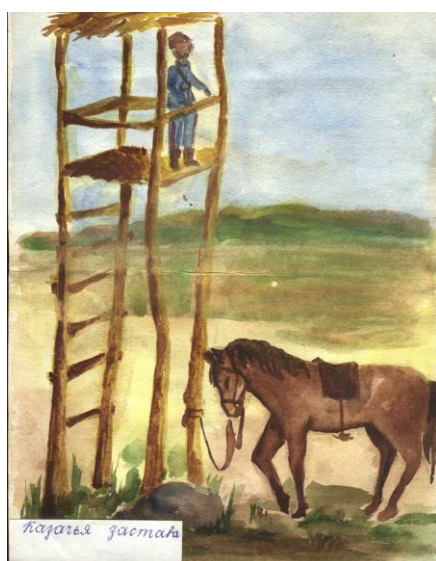
требованию фортификации по его периметру обязателен глубокий ров, заполненный водой. За ним следовал высокий частокол из толстых брёвен, соединённых между собой и заострённых сверху. В сплошной стене проделывались бойницы для стрельбы из ружей и даже пушек. По углам такого сооружения становились сторожевые вышки. Ворота для въезда и выезда делались прочными и охранялись днём и ночью.

Во внутренней части редута возводились помещения для жилья, погреба, конюшни. В обязательном порядке имелся водосточник. Это мог быть родник или колодец- на случай длительной осады.

Воровсколесский редут строился два года. Число казаков было от ста до двухсот человек. Артиллерийскую батарею обслуживали от восьми до двадцати пяти пушек, в зависимости от их наличия и калибра. Прошло более двух веков, но места, где стояли эти пушки до сих пор зовут «**Батарейками**» (урочище рядом с Рыданским лесом).

Давайте внимательно посмотрим на карту Азово-Моздокской линии (есть старая и новая): редут очень далеко отстоит к югу от старой Линии. Крепости Ставропольская и Александровская находятся от редута верстах в ста. На флангах- никого. Поэтому получается, что все удары хищнических шаек принимал на себя Воровсколесский редут. Он стал серьёзным препятствием на так называемом

«сухом пути»- от нынешнего Кисловодска до Кубани практически не было обжитых мест.

Охранная служба казаков не ограничивалась только редутом. По кордонной (пограничной) линии редут имел несколько пикетов (сторожевых постов)*. Одни из них были постоянными, другие время от времени менялись в зависимости от обстановки на данном участке границы. На ночное время, кроме того, редут снаряжал конные разъезды и выставял

секреты. Как при редуте, а так же на пикетах выставлялись «фигуры»-

высокие столбы с закреплённым горючим материалом: смола в бочке, солома, сухая трава. В случае приближения опасности казаки зажигали их. И тогда к этому месту торопились на помощь, организовывали отпор врагу или сообщали об опасности дальше по Линии. Ближайший к станции наблюдательный пост находился на одной из высоток, которая впоследствии получила название **Пикет (Бекет)**. Так эта гора именуется и поныне.

2. Почему именно Воровсколесская?

В 1794 году была основана **станция Воровсколесская**. Заселение шло в основном в центральной части России, позднее с Украины. А первыми поселенцами были, как утверждают историки, разгромленные царским правительством пугачёвские бунтари, которые, якобы, скрывались в местных

лесах, совершая из них набеги на проходящие обозы. Пришельцев называли «ворами», а поскольку они жили в лесу, то «стан» их был назван «Воровсколесским». Это одна из версий происхождения названия станции.

Есть другая, которая ни чем не подтверждается: будто жил в Пятигорске некий князь Воровской, владевший земельными наделами в данном районе. Вот в его честь и была названа станция.

Ещё одна версия о происхождении названия станции «Воровсколесской» или «Воровской лес» гласит, что донские казаки, нёсшие службу в этих местах (в 1792 году там действительно несли службу казаки из донского полка Луковкина), услышав о том, что их хотят оставить на вечное поселение, стали разбегаться и прятаться по окрестным лесам, став, таким образом, царскими ослушниками или «ворами» (тогда это слово имело широкий смысл, и им нарекались все, кто выступал против государственного порядка). Впрочем, вряд ли эта версия является правдоподобной по той

простой причине, что термин «Воровской лес» уже существовал до прихода донцов. Вероятней всего, он обязан своим происхождением горцам, совершавшим тогда весьма часто, как писалось в документах, свои «воровские набеги» на Кавказскую линию.

Большой интерес представляет описание станицы от 24 сентября 1802 года, сделанное командиром Кубанского полка майором Потаповым: «В самой Воровсколесской насчитывается 91 двор, где проживает 91 семья. Дворы в станицах Кубанского полка устроены по одному шаблону, имеют 20 сажень в длину и 15 в ширину. Дворы имеют также ограждение. Скот у казаков донской породы, из злаков высеваются рожь, пшеница, ячмень, овёс и просо».*

По воспоминаниям старожилов, некоторое время станицу называли «Птичьей», потому, что многие её обитатели имели птичьи фамилии-Жаворонковы, Дергачёвы (впоследствии Деркачёвы), Чайкины и т.д.

3. Серьёзные испытания.

Трудно жилось станичникам с первых дней поселения в этих местах: частые набеги горцев лишали их спокойной жизни. Нередко и работать в поле приходилось с оружием за спиной. А уж ходить далеко от станицы в одиночку было вообще опасно.

В 20-е годы прошлого столетия вокруг станицы Воровсколесской существовал глубокий ров, следы которого до сих пор сохранились в северной стороне кладбища. Параллельно рву проходил высокий четырёхметровый деревянный забор. В нём было четверо больших ворот: с восточной, западной, северной и южной сторон. С окончанием рабочего дня все ворота запирались тяжёлыми засовами. Всю ночь караульные несли охранную службу. «Казаки ставили незатейливые постройки, которые не отличались красотой, но военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, и некогда было думать о красоте и удобстве своих

жилищ; они старались скорее заложить их основание и потом приняться за главное дело-оружие...» *

Уже в самом начале XIX века воровсколесцам пришлось выдержать серьёзные испытания: в 1804 году горцы угнали станичный табун и скот. Вылазку горцев пресекли, скот отбили частично, понеся потери в служилых людях. Второе не менее крупное нападение станица пережила через три года - в мае 1807 года. Не предчувствуя беды, жители её провели день обычным порядком. В полдень к ним пришёл обоз Нижегородского полка, возвращавшийся в станицу Баталпашинскую с покупками из Ставрополя, а с ними человек 50 конвойных драгун и егерей. Уже свечерело, как вдруг показалась туча пыли, стеною несшаяся с Кубани. Крик: «Черкесы!» мгновенно поднял на ноги всё население станицы. Отряд конных горцев под предводительством князя Султан-Гирея, перейдя Кубань, обрушился на Воровсколесскую. Казаки станицы высыпали на вал и встретили налетевших горцев залпами. Силы, однако, были неравными, и казаки, сбитые свала, вынуждены были отстреливаться в собственных хатах, женщины помогали мужьям заряжать винтовки. Стойко держались кубанские казаки под напором черкесов. Видя невозможность ворваться в редут. Черкесы зажгли станицу. И пламя быстро охватило крытые соломой хаты.

Наступил последний акт обороны. Казаки, захваченные пожаром в домах, горели заживо, а те, которые выскакивали из пламени, попадали в плен или гибли под ударами шашек. Огонь не пощадил и божьего храма. Он рухнул и превратился в груды камней и мусора. От полного разгрома полыхавшую в огне станицу спасли подоспевшие два Нижегородских эскадрона драгун с артиллерией, высланные Сталем из Баталпашинской. Разгром казачьей станицы произвёл в населении края страшное подавляющее впечатление. Дух паники витал над селениями. Опасались нападения на Темнолесскую, ждали его на казённые сёла Николаевку, Каменнобродское, даже сам Ставрополь не считал себя в безопасности.

Было очевидным для всех неудачное месторасположение Воровсколесской, для полноценной защиты, которой у кавказского командования не хватало военных сил. Высказывались предложения о переводе станицы ближе к Кубани. В 1821 году станица вновь подверглась набегу горцев, и казаки вновь понесли потери.

Три раза горела станица и дважды отстраивалась. После третьего раза была выселена в новую станицу - Баталпашинскую. С 1825 по 1849 годы на месте станицы Воровсколесской оставался лишь редут, укрепленный пушками. И только в 1849 году вновь возродилась жизнь в станице.

4.В названиях - история станицы.

Современное деление станицы на три примерно равные части (Центр, Хохловка, Поднизовка) связано с историей её заселения. «Колыбелью» станицы является центральный район или **Станица**, так как первые поселенцы, донские казаки, в 1794 году обосновались именно здесь. Донцы поселились на месте нынешнего станичного кладбища. Вокруг станицы существовал глубокий ров, следы которого до сих пор сохранились в северной стороне кладбища. Но, предположительно, после разгрома станицы горцами в 1807 году на развалинах первоначального селения появилось кладбище. Донцы, в свою очередь, переселились примерно по периметру современного центра, основав новое поселение.

Хохловку основали в 1849 году, во время второго заселения станицы малороссийскими казаками с Полтавской губернии. Малороссийских казаков русские называли Хохлами (из-за оселедца), что и определило название данного района.

В северной части станицы находится Поднизовка. По воспоминаниям стариков, на этом месте в 19 веке были болота и росли камыши. Однако в

конце 19 века станичники стали заселять и эти земли. **Поднизовка** (от центра находится «под низом») занимает относительно спокойную равнину, окружённую холмами со всех сторон, кроме северной.

Ближайший лес служил казакам двойко: возможность без особого труда добывать строительный материал для жилья и построек, но он же таил в себе и угрозу внезапного нападения. Лес назван **Дунькиным**. Возможно, это название сохранилось ещё от первопоселенцев. Старики пересказывают рассказ старожила станицы, умершего в 1934 году в возрасте 105 лет: «Частые набеги горцев лишали казаков спокойной жизни. Горцы угоняли скот, выкрадывали и убивали людей. Однажды, казачка пошла стирать на речку сотканное полотно. Там её и захватили басурманы. Говорят, поизмывавшись, они уготовили ей страшную смерть: наклонили верхушки деревьев, привязали к ним девушку и ... разорвали. Казачку звали Дуней. С тех пор и лес тот прозвали Дунькиным, и речку, и соседнюю гору.

Балка Рыданка. Говорят, что в ней во времена Кавказской войны (1817-1864гг.) произошла стычка горцев и казаков, закончившаяся кровавой резнёй. А потом жёны-казачки горько оплакивали погибших мужей. Лес, росший в балке, так же именуют Рыданским.

Батарейки. Тут сразу слышится что-то военное. Первая Батарейка находится недалеко от Рыданского леса. Там и сегодня можно увидеть выемки, где по рассказам старожил, когда-то стояли пушки. Говорят. Их там было шесть. Вторая Батарейка находится на Подошве, в районе Семистожков.

Между станицей и Рыданским лесом протянулась **Чумацкая** балка и лес с таким же названием. В старину чумаками называли тех, кто занимался перевозкой и продажей соли, хлеба, рыбы и других товаров. По пути в

Баталпашинскую (ныне Черкесск) они останавливались на отдых или ночлег

в этой лесной балочке. Там даже, как говорят старожилы, были выкопаны землянки. По одной версии: заночевавшие в лесу чумаки были кем-то убиты, а товар их забран. По другой версии, лишь один чумака погиб. Но память людская сохранила это событие в названии. По чумакам так и окрестили балку и лес – Чумацкий. Этот

лес- чудо природы. Бук – основное дерево в нём.

Ещё одно интересное название – **Байраки**. Это возвышенность с южной стороны станицы, так называемой, Хохловки. Заселена эта часть станицы была выходцами из Малороссии – Полтавской губернии, следовательно, и говорили они на смешанном русско-украинском языке. Так вот с этой возвышенности открывается замечательный вид на роскошную балку- яр, как говорят на Украине. Наверное, кто-то из переселенцев, поднявшись впервые на эту вершину, воскликнул: «Ба, якый ярка!» Если эту фразу произнести несколько раз подряд, то можно услышать что-то очень созвучное слову Байраки.

В сторону Невинномысска за станицей есть балка, в которой много родников. Когда-то здесь были сплошные заросли высокой травы, осоки и камыша. По очень холодной воде в родниках этой балки и прозвали балочку **Холодной**. Юго-западнее от Воровсколесской, по линии Холодной балки, тоже были обширные заросли травы и камыша, водилось много всевозможной дичи и диких кабанов. Может поэтому, а возможно потому, что в этой балке всегда пасли свиней (с весны до самой осени), стали называть её **Свиной**. Да так и осталось это название до сих пор, хотя теперь там ни диких кабанов нет, ни домашних никто давно не пасёт.

В 1891-92 гг. в станице свирепствовал голод и страшные болезни: тиф. Холера. Чума. Много людей унесли они в могилу. Сибирская язва и чума

напали и на животных. Их свозили в небольшую балочку западнее станицы (недалеко от Бекета), в специально отведённое место – могильник. И стала та балочка именоваться **Чумной**.

Воровсколеская всегда славилась богатыми землями, роскошными лугами и лесами, чистым воздухом и холодными родниками. Западная окраина станицы Воровсколеской так и именуется – **Роднички**. Обилие здесь родников даёт начало местной речушке Мутнянке, облегчающей жителям станицы вопрос с водопоем птицы и скота.

Среди родников самый старый, по воспоминаниям старожилков, теперь всеми забытый, **Султанский родник**. Название его уходит в далёкое прошлое, когда эти места только-только начинали осваиваться казаками. Этот родник давал очень много вкусной воды и им дорожили горцы. Они-то и не захотели, чтобы этой водой пользовались казаки-пришельцы. Горцы забили этот родник всем, чем можно было, в том числе и бурками. Родник перестал давать воду. Исчез навсегда....

На Хохловке в старом Школьном саду и сегодня ещё сохранились каптажи, собиравшие родниковую воду и поившую всю Хохловку. Называли родник **Школьным**.

Но самый почитаемый и, если хотите, знаменитый был **Святой родник**. Существует он и сейчас. Рассказывают, что давным-давно странствующие верующие положили в родник иконочку Божьей Матери (ровесник века - Ширяев Андрей Иосифович-сам это видел). С тех пор и прозвали родник Святым. Водой из этого родника лечили недуги «злого глаза», наверное, от сглаза.

Как мы видим, история станицы Воровсколеской полнее всего отразилась в названиях окрестностей. Знакомство с ними и позволяет узнать историю своей малой Родины, гордиться ею.

Превращённая в пепел.

После чеченского похода 1807 года на Линии наступило временное затишье. В Баталпашинске располагалось 4 батальона пехоты, донской

казачий полк и 200 линейных казаков. Другой отряд несколько меньше по численности расположился у Невинномысской. Главным начальником над войсками для обороны пограничной черты назначен был генерал-майор Капцевич, который вместе со штабом поместился в Воровсколесской станице Кубанского полка, лежавшей верстах в 25 от Кубани.

Станица была большая с каменной церковью, с редутом, на котором стояло два орудия, а кругом её тянулся вал, густо усаженный колючкой. Никто и думать не мог, что именно этой-то богатой станице придется испытать горькую участь на глазах двух русских отрядов. А пока сторожевая служба этих отрядов на Линии шла довольно спокойно. Вдруг от генерала Капцевича в Баталпашинский отряд полковника Сталя прискакал гонец с известием, что черкесы в огромных силах идут на Невинномысск, где стоял отряд генерала Дегтярева. Сам Капцевич уже выехал туда из Воровсколесской и предписывал Сталю держать Баталпашинский отряд наготове.

На другой день - новые известия: перед Невинномысской действительно появилась какая-то партия, и Капцевич, перейдя Кубань со всем отрядом Дегтярева, двинулся за ней в погоню. Сталь недоумевал: он хорошо знал черкесов и понимал, что появление партии только демонстрация с тем, чтобы заставить русских открыть переправу. Капцевич сделал то, чего не стоило делать, и теперь надо ждать катастрофы. Сталь только не знал, над кем она разразится - над самим ли Капцевичем, или над Линией. Ожидать, однако, пришлось недолго.

По уходе Капцевича, под вечер шесть или семь тысяч черкесов, давно стоявших уже наготове, быстро перешли Кубань, окружили Беломечетский пост, чтобы не дать ему времени известить соседний отряд полковника Сталя, и всеми своими силами ринулись на Воровсколесскую станицу. Надо было случиться, что в эту же самую ночь, 23 мая 1807 года, Капцевич, предоставив Дегтяреву самому распоряжаться за Кубанью, возвращался домой. Он ехал один без конвоя. До станицы было ещё далеко, как вдруг

страшное зарево охватило полнеба. Было ясно, что горит Воровсколеская. Капцевич приказал ехать скорее. На его счастье нагнал мирный абазинец. «Генерал,- кричал он ему,- куда ты едешь? Черкесы взяли станицу. Спасайся. Видишь, за тобой скачут!» На горизонте, действительно, маячило десятка два всадников, тёмные силуэты которых резко обозначились при зареве пожара. Всадники приближались быстро. Капцевич повернул назад. Ямщик пустил лошадей во весь дух и едва- едва успел вовремя доскакать до отряда Сталя.

А там уже видели пожар и били тревогу. Два отряда нижегородцев первыми понеслись к станице, за ними бегом двинулись туда же рота егерей с двумя орудиями. Сам Сталь с остальными тремя эскадронами бросился к Беломечетскому посту, рассчитывая отрезать горцам отступление, и приказал туда же следовать пехоте.

А в станице Воровсколеской разыгралась между тем страшная драма. Не предчувствуя беды, висевший над головой, жители её провели день обычным порядком. В полдень к ним пришёл обоз Нижегородского полка, возвращавшийся в Баталпашинскую с покупками из Ставрополя, а с ними человек 50 конвойных драгун и егерей. Уже совсем свечерело, во многих хатках зажглись огоньки, как вдруг показалась туча пыли, стеной нёсшаяся с Кубани. Кто любопытнее, взобрался на вал посмотреть, в чем дело. Взглянули - и ахнули. Зловещий крик: «Черкесы!» мгновенно поднял на ноги всё население станицы. Казаки, схватившись за ружья, высыпали на вал. Драгуны и егеря заперлись в редуте, где были пушки. Черкесы нашли станицу уже готовой к обороне и, встреченные мощным ружейным залпом, остановились в замешательстве. От этой минуты зависел успех набега. Тогда сам предводитель горцев, известный за Кубанью Султан-Гирей, выехал под русские пули и крикнул черкесам: «Не вы ли хвалились мне взять Ставрополь, Александров, Георгиевск, разорить всю линию, а теперь стали перед ничтожной станицей?!»

В ответ на это сотни черкесов прыгнули с коней и с диким криком: «Аллах!» полезли на приступ.

Казачьи не устояли. Сбитые с вала, они заперлись в хатах и стреляли из окон, женщины помогали мужьям заряжать оружие. А на землю уже спустилась тёмная ночь, освещаемая только непрерывными молниями выстрелов, и торжественная тишина её нарушалась неумолчным шумом битвы и гамом людских голосов.

Стойко и долго держались кубанские казаки под напором черкесов. Немощные старцы, которые уже не могли держать оружие, молодые женщины и дети искали спасения в церкви, где седой священник, ввиду близкой смерти, напутствовал всех святыми дарами. И страшно, и трогательно в его устах звучали слова молитвы: « О, избавитесь нам от огня и меча, от нашествия иноплеменных, об одолении нечестивых агарян...»

А горцы уже ломались в церковь. Вот двери её рухнули, и старый священник, как добрый пастырь, полагавший душу за людей своих, первым пал на своём высоком посту, сражённый в грудь ударом кинжала.

А на другом конце станицы шёл ожесточений бой за обладание редутом. Его защищал храбрый штабс-капитан Койленский, адъютант Капцевича. Его дом был крайний, и первый подвергся нападению горцев. Койленский едва успел выскочить, а его жена и малютка были захвачены черкесами. Горькая участь семьи не ослабила энергии достойного офицера. Он героически отбивал нападения картечью и штыком.

Видя невозможность ворваться в редут, черкесы зажгли станицу, и пламя быстро охватило крытые соломой избы.

Наступил последний акт обороны. Казаки, захваченные пожаром в хатах, горели заживо, а те, которые выскакивали из пламени, попадали в плен или гибли под ударами шашек. Огонь не пощадил и Божьего храма. Он рухнул, превратившись в груды мусора. Непоколебимо среди общего разрушения стоял лишь редут и, как скала, отражал от себя волны черкесов.

Вдруг неприятель дрогнул и кинулся прочь от станицы. В зловещей тишине летней ночи в редуте явственно услышали топот скачущей конницы и шум рукопашной схватки. То были два Нижегородских эскадрона, высланные Сталем из Баталпашинской на помощь станице. В страшной темноте, когда нельзя было разглядеть ни своих, ни чужих, они столкнулись с черкесами и по их следам неслись к верховьям Кубани. Горцы уходили на Каменный мост и по дороге бросали отягощавшую их добычу. Табуны они пустили вперёд, и их настичь было нельзя. Но пленные, овцы и рогатый скот были отбиты драгунами. Среди пленных, к сожалению, не было ни жены Койленского, ни его малютки.

Командующий войсками на Кавказской Линии генерал от инфантерии Булгаков приехал в Баталпашинскую, чтобы лично расследовать размеры и причины случившейся трагедии. Следствие, однако, виновных не нашло. Ошибка Капцевича, так неудачно уведшего войска за Кубань, в вину ему поставлена не была- и дело предано Божьей воле.

Целый век назад.

История каждого населённого пункта удивительна по-своему. Особенно яркие картины прошлой жизни помогают воссоздавать рассказы старожилов. Перенесёмся на сто лет назад...

Вся Воровсколеская была поделена на 13 кварталов. В каждом квартале свой квартальный, своеобразный депутат. Он организовывал жителей своего квартала на ремонт дорог, постройку общественных зданий, запруду и чистку прудов. Следил за выпасом стада. И люди подчинялись квартальному.

Станичная управа находилась тогда напротив нынешнего центрального зерносклада, на пригорочке. Каждый день в управе дежурил дневальный с лошастью. Нужно каждую бумагу- документ, везти в станицу Баталпашинскую. Это уже дело дневального. Наша станица Воровсколеская относилась к Баталпашинскому казачьему отделу. Квартальные же

организовывали ещё при станичной управе службу десятников-казачат – курьеров. Возможно, их называли так потому, что именно с десяти лет начинали казачата нести эту службу. Разносили десятники повестки, какие-то срочные вызовы, записки атамана.

Если кто-то не хотел посылать своего сына в десятники (такое было возможно: сын дома нужнее), можно было за определённую плату нанять кого-нибудь, даже взрослых. Так, например, старенький, подслеповатый уже Пётр Степанович Маляров с удовольствием заменял кого-нибудь из подростков-десятников.

Жили казаки по-разному: были и бедные, и богатые, и просто зажиточные. Полный земельный надел казак получал с 18 лет. Сыновьям наделы полагались, а дочерям нет. Надел сына составлял 10-12 десятин земли. Её давали в разных местах, чтоб никому не было обидно, четырьмя клиньями. Система земледелия тогда была четырёхпольная: три поля в работе, а четвёртое – под толокой (отдыхает).

Иногородним землю, кроме 10 соток, не давали. Но, тем не менее, многие из них жили не так уж и плохо, некоторые даже богато. Дело в том, что они нанимались на сезонные работы за плату - где натурой, а где и деньгами. Нанимались, например, к помещику Медянику, чьи владения тянулись аж до моста через речку перед Курсавкой. Огромные отары овец шпанской породы с чистой густой шерстью приносили доход не только хозяину, но и тем, кто нанимался их стричь. Одним словом, у кого были умная голова да трудолюбивые руки, тот жил в достатке.

С 18 лет все здоровые мужчины должны были служить в армии. Казаков забирали кого в кавалерию (кто по - богаче), кого в пехоту (кто по - беднее). Уходивший в кавалерию должен был заранее готовить себе снаряжение: лошадь, седло, уздечку, подвязки-всё для верховой службы, 2 бешмета, 2 черкески, 2 пары сапог.

Конечно, престижнее было идти на службу в кавалерию, и те, кто победнее, старались попасть туда. А для этого они закладывали в аренду

свою землю мужикам побогаче на 4 года (время службы), покупали снаряжение и шли в кавалерию. Все служили в одном Хоперском полку.

Иногородние же служили там, где царь-батюшка прикажет. А царя тогда почитали. Почти в каждой хате весел его портрет: у кого из газеты вырезан, у кого - из журнала, а у кого- из календаря.

Дома казаков были либо саманные, либо из плетня, обмазанного глиной. Хворост был тогда строительным материалом: из него делали базы на хоздворе, загоны для скота, даже заборы. Камень для строительства тоже был местный. Разрабатывали на Высоком кургане. Был даже свой мастер по добыче камня. Дед Зузуля так удачно закладывал фугасы и производил взрывы, что камень получался нужных размеров.

Что ещё интересно: дед Зузуля был чистым вегетарианцем: питался исключительно растительной пищей.

Но продолжим разговор о казачьих жилищах. Крыши на хатах были камышовые, иногда черепичные. Внутреннее убранство состояло из 2-3 лавок, стола, табуреток, стоял или весел угольник, на полках которого за шторкой размещалась посуда.

Обязательно в каждой хате находилась русская печь- она была источником тепла, на ней готовили еду, служила она и «кроватью». И ещё сундук был обязательно- каждая сноха со своим приходила.

Одежда делилась на рабочую и праздничную. Но всегда это были рубаха и штаны для мужчин, юбка с кофтой для женщин.

Рабочая обувь- чубуры: своеобразные глубокие туфли на гладкой кожаной подошве, с завязками. Главное их достоинство- не промокали. Но очень уж скользкие были... Сапоги – это уже обувь праздничная.

Молодые женщины ходили в платках, а пожилые носили шлычки- головной убор в виде шапочки на шнурке, волосы все прятали. Без шлычки на речку не ходили- почему-то считалось, что тогда кто-то невидимый положит на голову черепаху, чего сильно боялись...

Дети одевались проще, имея две смены одежды - одну надели, другая - в стирке. Девочкам шили платья, мальчикам - рубахи да штаны на шнурках или бретельке. Обувь у детей почти не было, а если и была, то только для выхода в праздник. Всё лето ходили босиком.

Интересно было организовано питание в казачьих семьях. Ели в основном раздельно: взрослые - за столом, дети - на рядне (тряпке) на полу. Ели из деревянных или глиняных чашек (дети - из одной посуды) деревянными ложками. Соль была на вес золота, её возили чумаки с Маныча.

Оружие было необходимым предметом казачьего быта. Дома позволялось иметь кинжал и шашки. Они служили элементом праздничной одежды. Шашка находилась на левом боку, кинжал - справа спереди. В ножнах. По ножнам можно было судить о достатке казака.

Домашнее хозяйство вели в основном женщины, а делом казака было готовиться к службе, охранять границы, защищать Родину с оружием в руках.

В домашних делах помогали дети: пасли гусей, были погонщиками быков во время пахоты. А уже после страдной поры, осенью некоторые ребята ходили в школу. Серьезные трудоёмкие работы (сенокос, жатва и т.д.) выполняли сообща всей семьёй.

Недалеко за станицей было озеро - глубокое, быки свободно плавали. За порядком на озере следил сам атаман. Рыбы водилось там много: сазан, карась. Ловить можно было только удочками, бреднем же - лишь с разрешением атамана. Ухаживали за ними и чистили все 13 кварталов станицы по очереди.

Много рыбы и в речке Невинке водилось, в основном пескарь. Перегораживали и чуть ли не руками ловили. Каждый квартал прудил себе

сам пруд на речке Невинке, к ним гоняли на водопой стада: каждый квартал к своему пруду.

В станице раньше была своя мельница (хозяин Авраменко), своя маслобойня – размещалась там, где сейчас живёт Черкасов. Хозяином маслобойни был Шабанов. И не только масло там давили, но ещё и зёрнышки вышелушивали – лакомство для всех. Да и макуху (жмых) дети с удовольствием ели, да коровам давали, чтоб молоко жирнее было.

Под Рештаком, ближе к кладбищу, размещался кирпичный завод (хозяин- Осокин Василий). Хороший кирпич делали: захочешь разбить – не разобьёшь! Кирпич был с тавром- «фирменным» знаком хозяина. Работающих взрослых на заводе было немного, им нужны были помощники: носильщики кирпича, подавальщики у печи обжига. Вот на эти работы и нанимались дети 7-8 лет. Родители заставляли их гусей пасти, а они - хитрецы, подгонят птиц поближе к кирпичному заводу и за хозяйством успевали смотреть, и деньги зарабатывать. Самые резвые - по 10-15 копеек в день. Это при том что один метр мануфактуры стоил тогда 5 копеек, а на одну копейку можно было купить три бублика. Да и работать было не трудно.

Был в станице и свой черепичный заводик. Размещался он в районе остатков МТФ, сразу за мостом по дороге в Курсавку. Отличная выходила черепица!

Удивительно интересно было слушать рассказ Андрея Иосифовича Ширяева- ровесника века. Родился в станице Воровсколеской в 1901 году. В семье был первым ребёнком (всего было семеро детей- четыре брата и три сестры.

Вот что он рассказал ещё...

И дед, и прадед мой жили на этой земле, участвовали в её основании, обживали и обустроивали, воевали с турками в русско-турецкую войну.

Отец служил в 1-м Хоперском полку в кавалерии на турецкой границе, где-то в Азербайджане. Перед самой службой он женился, а когда возвратился домой, то его сыну, то есть мне, было уже четыре года.

Вернувшись со службы, отец отделился от деда и стал жить самостоятельно. Бедно жили: ни коня, ни какой другой худобы во дворе не было. На службу, конечно, уходил отец на своём коне, но там во время джигитовки так случилось, что конь разбился. Уже тогда отец был дома, получил он из части компенсацию за коня- 75 рублей. По тому времени это были хорошие деньги. На них купили доброго рабочего коня и тёлочку.

Со своего хозяйства наша семья прожить не могла, поэтому отец нанимался пасти овец. Отары были большими- по тысячи-полторы голов. Платили за пастьбу натурой- мукой: за овцу- 10 фунтов, за ягнёнка- 5 фунтов. Пуд муки тогда стоил 2 рубля. Продавать её возили на базар в Курсавку.

Пасти овец помогали все дети. Овцы были русской породы. Трудно было в непогоду, хотя помогали нам собаки, у нас их было семь штук. Держали их, потому что было много волков.

Доводилось и мне с ними встречаться. Погнали мы как-то с братом Иваном пасти овец. В одном месте помогли станичнику Гонтаренко ободрать корову, что-то там с ней случилось, прирезал. Дошли до малой Чумацкой балки, присели у родничка перекусить. Овцы разбрелись по балке.

Вдруг вижу: выскочила из-за вербы, они по-над ручьём росли, собака и бросилась к овцам. Понял я, что не собака это, а волк. С нами остался только один щенок. Зову его за собой и бегу к волку. А он то одну овцу ухватил за бок и повалил, то другую. так семь штук завалил. Тут подоспели наши собаки и отогнали волка. Овцы сбились в плотную прямо- таки кучку. Представьте, всю тысячу плотно прижатых друг к другу и дрожащих от страха.

Из заваленных волком пять поднялись, а с двух я обрезал уши для доказательства, что их зарезал волк. А тут и отец пришел, разогнали овец, чтобы паслись.

Да... Волков тогда много было. А тот преследовал нас до дома и умудрился всё- таки украсть ягнёнка. Наверное, волчица своим волчатам корм добывала.

Все работы по дому выполнялись родителями и детьми, так что с детства мы уже получали навыки и умения, что, как и когда сделать. Это хорошая, скажу тебе, наука, никакая школа столько не даст жизненно необходимого, практического. Косили мы и убирали сено, сажали и копали картошку. Почему-то запомнились мне помидоры, которые росли у нас по картошке,- мелкие такие. Первый крупный помидор, какие сегодня растут, увидел перед самой гражданской войной.

Летом, когда поспевала земляника, и старые и малые выходили её собирать по склонам гор и балок. Сколько её было, страсть! Набирали вёдрами.

Обычно по воскресеньям отец с матерью ходили в церковь. До их возвращения в рот никто не брал даже крошки. Я тоже ходил в церковь- пел на клиросе. Было там человек тридцать певчих, руководил хором сын помещика Медяника. Были установлены дни, когда ходили мы на спевку.

Знали мы многие молитвы. Садись за стол обедать- читали застольную, после еды- благодарение Богу. Молились перед сном. Бога почитали, взрослых не смели ослушаться. Плётка казачья была, как средство воспитания и для малых, и для взрослых.

Помню как у Гринько Александра Кирилловича сыграли свадьбу- сын женился. А скоро молодые что-то не заладили. Муж за плётку, а жена в двери да по снегу босиком в родительский дом. Там её и нашёл муж, на печи грелась. Тесть сам подал зятю плётку: « Поучи-ка её, сынку, как мужа слушаться!» « Собирайся,- это уже к дочке,- замуж пошла, знай своё место!» Гнал её муж домой верхом на лошади да ещё и с плёткой.

Почитали и царя. Когда у царя Николая второго родился сын, на Хохловке построили школу и назвали её Алексеевской. Висел там портрет царевича. В 1913 году отмечалось 300- ление дома Романовых. Всем

ученикам тогда в школе давали пакетики с конфетами и карточки с гимном « Боже, царя храни».

Окончил я вышеначальное училище (это как семь классов). Была у нас в училище своя форма, на пряжках ремня стояли три буквы ВНУ. Изучали в училище математику, русский язык, закон божий, химию, физику, историю. Военное дело преподавал вахмистр. Окончил его я с золотой медалью. В награду дали мне посалтырь « Откровение Иоанна Богослова». Когда настали смутные дни, всё это я уничтожил в саду- сжёг.

Поступил в гимназию в Баталпашинской. Но учиться пришлось всего три недели: началась гражданская война. Там уж не до учёбы было: то красные, то белые, то белые, то красные. Поди разберись, кто прав, кто нет, кто ведёт, а кто тащит.

Доводилось мне видеть и Шкуро, и Покровского, и Кочубея. Нас, семнадцатилетних, снарядили на встречу Шкуро, который шёл в станицу из Суворовской. Народу вышло много. Женщины старались к нему прикоснуться. В нём видели казаки своего заступника. Были такие, что служили под его началом до революции. В станицу внесли на руках. На площади он выступал, призывал сплотиться и защищать себя, а значит Россию. С ним тогда ушли многие станичники- целый отряд сформировался. Первый бой они приняли под Бекешевской. Тех из казаков, кто оттуда вернулся, красные потом не трогали.

Был Шкуро среднего роста, рыжий, с голубыми глазами, хитрыми такими, лет ему под тридцать или чуть-чуть больше. На нём папаха и черкеска, под ним- гнедой конь. На вид он вообще был мужчина незавидный.

Покровского видел в Баталпашинской 19 января, как раз на Крещение, когда пятерых красных казнили. Одного кузнеца трижды вешали и каждый раз его верёвка обрывалась. Так и отпустили, видно, не судьба была так погибнуть.

Станица Воровсколеская переходила из рук в руки, от красных к белым и наоборот, раз двадцать. Поначалу те, кто из белых, прятались в Клычевой балке. Были там и мои родители.

Горела станица много раз, но один раз особенно сильно- это когда подожгли её по приказу Ивана Кочубея. Зарево было видно в самой Баталпашинской (это сегодня Черкесск). Убогие хаты под соломой тогда не тронули. Хороших домов сгорело много, только третья часть их осталась. Наш дом не тронули, так как брат матери служил в Красной армии.

Мобилизовали нас рыть окопы. Там я заболел и попал в больницу в Екатеринодаре (это сегодня Краснодар).

С больной ногой я так и остался на всю жизнь мирным жителем: не воевал ни за красных , ни за белых. Не пришлось воевать и в Великую Отечественную войну по причине болезни.

С 1924 по 1934 год работал в сельсовете делопроизводителем. Помню, как прислали нам на работу в сельсовет матроса Крайнюка из Петрограда. Вежливым был очень. А вот колхоз организовывать прислали тоже стотысячника в 1928 году по фамилии Харитонюк. Терпеливым был мужик. Никому не угрожал, больше уговорами старался взять. А если кто не соглашался, отпускал. При нём я работал учётчиком: грамотных тогда было очень мало.

В колхоз шли далеко не все и не с большой охотой. Когда он организовывался, кулаков уже не было.

Страшными были 1932 и 33-й годы, особенно тридцать третий. Остался в памяти один эпизод. В одной семье умерли родители, осталось трое детей. Подойдут они к сельсовету и просят хлеба. Спасались тогда картошкой. Падали и умирали прямо на улицах. Забирали потом родственники...

Только и славы, что казаки.

Величко Евдокия Семёновна. 1907 года рождения.

Семья у моего отца Семёна Ивановича Мельникова была большой, я – пятый ребёнок. Жили бедно, очень бедно. Только и славы, что казаки. Когда подросли старшие сыновья, отец начал готовить их для службы. Купили хорошего коня, сбрую, обмундирование. Стоило это всё немалые деньги, но такой был порядок: казака на службу снаряжали дома. Случилось так, что всё уже было, а брату идти служить ещё рано- целый год ждать. А вот соседнему сыну Малярову уже повестка пришла. Жили те ещё беднее. Вот и пришёл Мельников просить отца уступить пока ему коня, а он за год, до службы старшего моего брата, вернёт его, другого, конечно...

Отец пошёл ему на встречу, одолжил на год коня. Но год проходит, а сосед и не ведёт речи о возврате долга. Отец напомнил, мол, скоро моему сыну на службу, давай коня. И коня дали. Сын Малярова привёл хромого коня, да ещё и пригрозил отцу, что за его настойчивые требования он расквитается с ним. И расквитался...

Закружил семнадцатый год. Красные наступали на станицу. Боялись казаки новой власти. У кого был конь или какая другая возможность, подались в Пашинку. Бросился убежать и мой брат. Ещё с тремя станичниками побежали они до Свиной балки, но их догнали и порубали. За что? Одни убегали, другие догоняли... Сколько таких случаев в то нелёгкое и непонятное время было...

Помню, как старший брат присягу принимал. Несколько недель новобранцы жили в лагерях. Там они проходили премудрости казачьей службы. А присягу принимали в станице. Началось всё с утра. Площадь перед церковью запружена народом, тут и старый, и малый. Новобранцы стояли без шапок, лошадей держали под уздцы. Батюшка отслужил молебен, окропил святой водой казаков и их лошадей. Потом казаки подходили к батюшке по одному, целовали крест и говорили: «Служу царю и Отечеству!»

Когда всё это закончилось, офицер дал команду: «По коням!» Как один взметнулись казаки в сёдла, выстроились по трое в ряд и ушли воевать за царя и Отечество. Провожавшие плакали: уходили их мужья, отцы, братья. Шёл август 1914 года...

В 1918 году пришли в станицу красные (Советская власть). Кто прятался, кто убежал, кого убили. Ничего жизнь тогда не стоила, не ценилась. Горела станица так, что на Сычевых горах видно было. Из нашей семьи ушли только мужчины. Осталась мать с дочками, что она могла сделать, когда во двор заскочили солдаты Кочубея и забрали весь скот. Взяла меня мать и пошли мы прямо к Кочубею. Не помню сейчас, что там говорила мать, но волов нам вернули, да и самого Кочубея припоминаю: высокий, чернявый, красивый, в белой папахе.

Продержались в станице красные недолго. Вскоре ушли в сторону Курсавки. На смену им шли белые. Станица ликовала, вышли встречать генерала Шкурко, который шел со стороны нынешнего Ударного. На руках несли его в станицу, а церковь. Саму-то церковь Кочубей сжег. Все внутри стгорело. Сколько там икон было, роспись какая была! Все пропало. Можно было, конечно, церковь отстроить, но ни кому до неё не было дела и после. А там началась борьба против религии. Продали её конзаводу на слом, чтобы использовать кирпичи на стройке. Но кладка была очень прочной, кирпич разбивался, а раствор не рассыпался. Решили взорвать стены. Но и это ничего не дало. Превратилась церковь в гору строительного мусора и больше ничего....

Я говорила о сыне Малярова. Так вот он и выполнил свою угрозу, отомстил моему отцу. Однажды выехали пахать в поле, там он и застрелил отца в упор. Сам скрылся. Время такое было, что ни кто убийц не искал: власть переходила из рук в руки. Через время возвратился он, сын Малярова, домой да и прожил без наказания...

Замуж вышла в 1928 году. Муж Величко Антон Кузьмич тоже из казаков. Жили хоть и бедно, но дружно.

Как черная повязка в памяти- голод 33-го года. Ходили по дворам комиссии, все забирали, не оставляя даже на семена. Под крышей у нас весел чайник с фасолью. Думала, не заметят, на весну будет что посадить, но одна досужая баба из комиссии увидела. Сколько я ни просила, не отдала.

К весне люди стали умирать. Много умирать. На каждый дом легла черная отметка смерти. Поредела станица. Особенно трудно пришлось тем, у кого не было коровы, а у кого была, те кое-как перебились, дожидались лебеды...

Трудно было поднимать детей, да ещё старенькая свекровь была. Сейчас я сама такая. Живу у дочери- Нины Антоновны Антонец, так как без помощи посторонней не могу обходиться. А всего не расскажешь, много чего увидеть и испытать довелось: было и хорошее, было и плохое. Правду говорят : « Жизнь прожить – не поле перейти!»